

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Я не нарочно

РОСМЭН

Вера и Марина Воробей

Я не нарочно

Серия «Первый роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162971
Воробей В. и М. Я не нарочно: Росмэн-Пресс; М.; 2006
ISBN 5-353-02401-X

Аннотация

Света Тополян совершила странный и на первый взгляд совершенно необъяснимый поступок – украла в одном из бутиков абсолютно не нужные ей вещи. Пытаясь разобраться в себе и понять, для чего же она это сделала, Света пришла к выводу, что причина ее нелепого поступка – в одиночестве. У нее нет ни друзей, ни подруг, а когда человек один, в голову еще не такое может прийти.

Неожиданно дело приобрело широкую огласку, и Света стала настоящим изгоем. Доведенная почти до отчаяния, она не знает, что делать. И тут Катя Андреева протянула ей руку помощи. Поступок Каркуши совершенно перевернул отношение Светы к людям – теперь она верит в бескорыстие, благородство и дружбу.

Содержание

1	4
2	18
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вера и Марина Воробей

Я не нарочно

1

В такую погоду Света Тополян, будь ее воля, вообще бы носа на улицу не высунула. Но в средней полосе даже летом случаются затяжные дожди, которые могут идти и неделю подряд, и даже две. Что уж тут говорить об осени! Делая все через силу, Света села на кровати, потом опустила ноги, сунула их в тапочки и, внезапно вспомнив о вчерашнем происшествии, передернула плечами.

Как могла она, здравомыслящий, уравновешенный в общем-то человек пойти на такое? Как вообще могло это с ней случиться? В памяти вдруг всплыла фраза: «Бес попутал». Вот уж точно! Иначе и не скажешь. И ладно бы шмотки хоть были стоящими, а то полный отстой. Три каких-то топики, которые она и носить бы сроду не стала! Абсолютно бесполезные вещи. Особенно если учесть, что «зима катит в глаза».

Больше всего ей было стыдно перед родителями. Что они теперь о ней будут думать? Света слышала, как отец, запершись с мамой на кухне, высказал предположение, что это, возможно, болезнь. Еще не хватало, чтобы предки считали

ее kleптоманкой! А вдруг они думают, что она уже давно таким вот способом промышляет, воруя по мелочам? Только раньше с рук сходило, а теперь вот поймали. Ужас! Нет, но она-то сама знает, что ничего такого с ней никогда не было. Впервые в жизни решилаcь на воровство – и то не из корысти, потому что эти топики ей и даром не нужны, а чтобы доказать самой себе, что она не трусиха. А кто, собственно говоря, обвинял ее в трусости? Да никто. Тогда зачем доказывать? Нет, тут что-то другое. Но тогда что? Ответа на этот вопрос Света Тополян не знала. Не знала совершенно искренне, и от этого ей становилось еще страшней...

Света снова залезла под одеяло, идти в школу сегодня у нее не было ни сил, ни желания. Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором тут же возникли ужасные события вчерашнего дня.

И что ее вообще толкнуло зайти в этот бутик? Она просто возвращалась из школы, лил противный осенний дождь, но почему-то сворачивать к своему дому Света не спешила. Ей было скучно, хотелось поговорить – ну хоть с кем-нибудь. Как будто в этом злополучном бутике она надеялась найти подходящего собеседника! Нет, естественно. Но она все же зашла туда – может, потому, что замерзла и хотела погреться, а может, скуки ради. Как бы там ни было, но она толкнула тяжелую дверь магазина и вошла внутрь.

Бутик был почти пуст, то ли из-за астрономических цен, то ли непогода заставляла прохожих пробегать мимо, кто

его знает. Света с равнодушным видом стала прохаживаться между стеллажами. Ни одна вещь не привлекла ее внимания, и она уже собралась двинуться к выходу, но зачем-то повернула к полкам, где продавалась летняя одежда. Несмотря на приближающуюся зиму, магазины продолжали торговать летними брюками, яркими сарафанами и прочими атрибутами жаркого времени года.

Света окинула взглядом стеллаж и, сняв с вешалки один из топиков на тоненьких бретельках, приложила его к себе. Топик был ярко-зеленого цвета с каким-то дурацким рисунком. Тополян взглянула на ценник и поморщилась – сумма, обозначенная на нем, превосходила самые смелые ожидания. Не выпуская топик из рук, она отобрала еще два других – бирюзовый с прозрачной вставкой и малиновый, расшитый золотистыми блестками.

«Ну, в таком разве что на карнавал», – усмехнулась про себя девушка. – Только желательно маску надеть, чтоб никто не узнал, а то засмеют».

Крутясь перед большим зеркалом, позволявшим увидеть себя в полный рост, Света прикладывала к себе то один, то другой топ. Конечно, покупать она ничего не собиралась (тем более эти сомнительного качества шмотки по бешеной цене), а так – развлекалась от нечего делать.

Налюбовавшись на себя в зеркало и немного согревшись, Светлана собралась повесить всю эту «роскошь» на место и уйти. Но... вместо этого, совершенно неожиданно для се-

бя, каким-то быстрым вороватым движением скомкала все три вещи и сунула себе под куртку. В ту же секунду она почувствовала, как неистово заколотилось сердце, а на лбу выступила испарина. Тополян оглянулась по сторонам, замирая от панического страха. Но в обозримом пространстве торгового зала царила сонная тишина. Молоденькие девушки-продавщицы, видимо, отчаявшись продать хоть что-нибудь, сбились в стайку около кассы и негромко беседовали. Где-то около выхода маячила макушка охранника, лениво прохаживавшегося туда-сюда. Недалеко от Светланы копошилась какая-то тетка средних лет, придирчиво разглядывая цветные брючки-капри.

На Свету решительно никто не обращал внимания, и она немного успокоилась.

«Господи, ей-то они зачем? Судя по виду, ей на колбасу не хватает, – подумалось Светлане по поводу тетки, но она тут же мысленно себя одернула. – О чем я думаю? Теперь спокойненько к выходу. Тем более, кажется, это труда не составит. И не страшно ни капельки...»

Неожиданно девушкой овладел веселый азарт. Обеими руками прижав свой школьный рюкзак к животу, чтобы украденные тряпки не выпали из-под куртки в самый неподходящий момент, она медленно двинулась в сторону двери.

Вспоминая после эти мгновения, Тополян готова была поклясться, что отчетливо слышала внутренний голос, который почти умолял ее вернуться к стеллажам и, пока не позд-

но, положить все вещи на место. Но где-то в самой глубине души уже проснулся маленький, но властный бесенок, толкнувший девушку на этот нелепый, дикий, совершенно необъяснимый поступок. Сопротивляться этому бесенку Светлана не могла. А если точнее – не хотела.

«У тебя получится. Обязательно. Ты справишься! – нашептывал ей на ухо бесенок. – Ну же, смелей! Не делай напряженное лицо и не вздумай покраснеть. Шагай спокойно, уверенно и смело. Будь естественной, это главное!»

Изо всех сил стараясь сохранить равнодушно-отсутствующий вид, Тополян прошла мимо кассы и стола выдачи товара. Еще несколько шагов – и она победитель!

И тут... Света так и не успела додумать, кого же и в чем она победила. Охранник, молодой высокий парень с серьезным лицом, внезапно отделился от стены, преградил ей путь и очень крепко взял ее за руку выше локтя.

– Прошу вас пройти со мной, девушка, – вежливым, но бесстрастным голосом произнес он заученную, по всей вероятности, фразу.

– В чем дело? Чего тебе от меня надо? Да пусти меня, придурок! – От неожиданности и разом нахлынувшего страха Света начала хамить парню, обращаясь к нему на «ты».

Впрочем, охранник сохранял бесстрастное выражение лица.

Тополян предприняла отчаянную попытку вырваться из твердых рук блюстителя порядка, изо всех сил отпихивая

его, и даже попыталась отодрать его пальцы от рукава куртки, но все было тщетно. Пальцы охранника, казалось, были сделаны из железа. Еще сильнее сжав ее руку, парень поволок упирающуюся Тополян в так называемую комнату досмотра. Красная и растрепанная, Света предстала перед молодой элегантной женщиной в черном деловом костюме. Она что-то записывала в огромную амбарную книгу, изредка взглядывая на экран монитора.

– Давно воруете? – коротко спросила она, подняв на Свету серые холодные глаза.

Тополян растерялась от неожиданного вопроса. Она лихорадочно пыталась найти себе оправдание.

– Я не воровка! Вы понимаете, я... я серьезно больна. У меня kleптомания! Слышали про такую болезнь? – Тополян схватилась за неожиданно пришедшую в голову мысль, как утопающий за соломинку.

Эту тему необходимо было развить, разжалобить эту женщину с ледяным взглядом, пока она не опомнилась и не вызвала милицию. Свету понесло.

– Вот, возьмите, они мне абсолютно ни к чему, эти шмотки. – Светлана нервно дернула молнию на куртке и вытащила из-за пазухи злополучные топики. Швырнув их на стол прямо под нос женщине, она вдохновенно продолжила: – Я вообще-то стараюсь удержаться, сами понимаете, моя болезнь ко всяким неприятным ситуациям приводит, вот как сейчас, например, но... эта пагубная страсть часто бывает сильнее

меня. Понимаете? Когда меня накрывает, я уже себе как бы не принадлежу... и ничего не могу с собой поделаться. Так что вы уж меня отпустите, пожалуйста... Эта kleптомания даже и не лечится толком, вот в чем ужас-то!

– Ты мне голову не морочь, kleптоманка... Я этих выдумок, знаешь, сколько слышала? Ты законы знаешь? Ты украла товара на сумму, превышающую минимальный размер оплаты труда. Поэтому... – сделала тетка многозначительную паузу, – сейчас приедет милиция и заведет на тебя уголовное дело, а заодно и разберется, кто ты там – больная или очень даже здоровая. Ясно? – Тетка зло сверкнула глазами на оторопевшую Тополян и принялась с каким-то ожесточением давить кнопки на телефонном аппарате.

– А я несовершеннолетняя, вы не имеете права! И вообще... Вот приедет мой папа – он крутой бизнесмен – и вы еще пожалеете, что меня не отпустили! – завопила Светлана, прекрасно понимая, что говорит совсем не то, что следует, что только вредит себе этими словами и тоном, что тетку ни в коем случае нельзя злить, но от ужаса и отчаяния остановиться уже не могла и еще выкрикивала что-то, обещая всевозможные кары, которые обрушатся на голову бездушной женщины.

Последующие три часа обернулись для перепуганной Тополян настоящим кошмаром. Очутившись в милицейском участке, она напрочь растеряла весь свой гонор и высокомерие. Пожилой худощавый милиционер составил протокол по

всем правилам, заставив Светлану назвать фамилию, имя и отчество, имена и место работы родителей, а также номер ее школы.

«Может, назваться какой-нибудь Машей Ивановой?» – промелькнула трусливая мыслишка, но, секунду поразмыслив, Света отказалась от этой явно обреченной на провал затеи. И через пять минут убедилась, что была права.

– Давай телефон родителей, все равно кого, – пробасил милиционер, не отрываясь от писанины.

– Зачем? Я... я заплачу, сколько надо, у меня есть деньги. – Светлана умоляюще заглянула в лицо милиционеру.

– Да затем, что по закону я обязан передать тебя в руки родителей. И штраф заплатят они, а не ты. Это понятно? – Дядька разговаривал с ней громко, как с глухой, да к тому же умственно отсталой девочкой, по нескольку раз повторяя одно и то же. – Тебе это понятно, я спрашиваю?

Светлана покорно кивнула и назвала мамин рабочий телефон. Она была так раздавлена и потрясена случившимся, что даже уже и не пыталась хитрить и выдумывать небывлицы. Яснее ясного девушка понимала, что здесь, в участке, слушать ее оправдания никто не собирается и тем более никто не поверит в ее «клептоманию». Она сидела съездившись на стуле, вплотную приставленном к столу, за которым составлялся этот позорный протокол, и каждый раз, когда открывалась дверь в кабинет и входил кто-нибудь из сотрудников участка, Тополян казалось, что это пришли за ней, что

вот сейчас на нее наденут наручники и швырнут в вонючую камеру вместе с бомжами и уголовниками.

К великому облегчению девушки, ничего такого с ней не сделали. Но когда в кабинет вбежала Анна Антоновна, ее мама, в расстегнутом пальто и шарфе, кое-как намотанном поверх воротника, Тополян на минуту пожалела, что не сидит в камере с уголовниками.

Анна Антоновна никак не могла взять в толк, что же натворила ее девочка, так дико и нелепо звучало то, что ей громко и раздельно, словно она плохо слышала, пытался втолковать пожилой милиционер:

– Попытка кражи, я вам говорю. Три летних топа – зеленый, бирюзовый и ярко-розовый.

– Ярко-розовый? – потрясенно переспросила Анна Антоновна, будто в том, что ее дочь пыталась украсть два других топа – бирюзовый и зеленый – ничего странного не было.

– Да, – подтвердил милиционер.

– Доченька! – выкрикнула Анна Антоновна, будто очнувшись. – Но зачем ты хотела их украсть? Ты же могла все это купить! Или сказать мне, что хочешь эти... топы...

Тополян даже не взглянула на мать. В какой-то момент все происходящее стало вдруг ей безразличным, не имеющим к ней никакого отношения.

Наконец все формальности были закончены. Что там говорил милиционер, что отвечала Анна Антоновна, Свете бы-

ло неинтересно. Она не прислушивалась к разговору. Да и что там может быть утешительного? Светлана мечтала только об одном – очутиться где-нибудь далеко-далеко отсюда и навсегда стереть из памяти сегодняшний день. Голоса доходили до нее словно через слой ваты, она слышала отчетливо лишь биение своего сердца.

– Ой, только в школу не сообщайте, пожалуйста! – внезапно очнулась, как от тяжелого сна, Тополян.

В эту секунду она явственно представила себе весь ужас своего положения. Девушка вскочила со стула и, плохо сообщая, что творит, вцепилась в рукав милицейского кителя:

– Дяденька милиционер, ну, пожалуйста, ну я вас умоляю, в школу... не надо, не надо в школу, ну, пожалуйста, дяденька, я же не нарочно, я случайно, я не знаю, как это получилось!

Если эта дикая история станет достоянием класса, тогда хоть вешайся! Как объяснить им то, что она сама себе объяснить не может?

– Ладно. Мы с твоей мамой уже договорились. Правда, из магазина сообщить могут. Хозяин там очень принципиальный, серьезный мужик. Ворюг на дух не переносит. Мы-то обязаны им протокол допроса предоставить, так что уж не знаю, как он решит. Вообще-то штраф уплачен, вещи возвращены. Разве что в воспитательных целях, так это его право, уж извини, – спокойно и на этот раз обычным, совсем негромким голосом пояснил милиционер.

Света тоскливо взглянула на него и отвернулась. В его глазах ясно читалось осуждение. Посмотреть на маму Света заставить себя не могла. Ей было нестерпимо стыдно, гадко и обидно. Хотя на кого обижаться? На себя саму?

Всю дорогу до дома мать и дочь проделали молча, но стоило Светлане переступить порог квартиры, как нервы у нее не выдержали – губы предательски задрожали, и в следующую секунду слезы полились таким потоком, что Анна Антоновна, твердо решившая дождаться с работы мужа и строжайшим образом наказать дочь, тут же забыла о своем намерении и бросилась утешать свое непутевое чадо.

Потом они долго сидели на кухне, не зажигая электричества, вместе пытаясь разобраться в случившемся.

Вся несуразность ситуации заключалась в том, что Света никогда не была ни в чем ограничена. Ни в карманных деньгах, ни в модных и дорогих тряпках, ни во всевозможных развлечениях и удовольствиях. Ей не надо было, как другим, откладывать по десять рублей от карманных денег, чтобы потом купить себе хорошую тушь для ресниц или помаду. Света не голодала, экономя на еде в школьном буфете, чтобы появиться в новых сапогах или модных джинсах. Нет, от всего этого она была избавлена. Всегда. И даже не задумывалась, что бывает и по-другому, хотя большинство ее одноклассников вынуждены были экономить. Света это, конечно, видела, но, как и любой эгоистичный до крайности человек, к проблемам окружающих относилась как к чему-то

умозрительному или даже не существующему вовсе. То, что ее отец, Ашот Суренович, являлся хозяином частного таксомоторного парка, Света принимала как должное, будто бы иначе и быть не могло. Как должное она воспринимала и их роскошную пятикомнатную квартиру, куда Ашот Суренович перевез семью два года назад, когда его бизнес пошел в гору семимильными шагами. Очутившись в новой школе, Света искренне намеревалась наладить отношения с одноклассниками. Ей безумно хотелось всегда быть в центре внимания, хотелось блистать и талантами, и неординарным складом ума, и достижениями в учебе. Но ничего этого не получалось. Училась она средне, таланты упорно не обнаруживались, а ума хватало лишь на безудержное вранье и неблагоприятные поступки.

Светлане хватило совести присвоить себе чужое стихотворение, написанное Галей Снегиревой, да еще убедить в своем авторстве Володю Надыкто, устроить «вечер открытых сердец», чтобы сразить всех присутствующих мастерски выдуманной историей... Количество своих «подвигов» Света и сама припомнить не могла.

Но мама, милая, тихая Анна Антоновна, конечно же была не в курсе всего, происходящего с ее дочерью. И посвящать ее в свои проблемы Светлана не собиралась.

Так ничего толком и не добившись от Светы, не сумев вызвать ее на откровенный разговор, Анна Антоновна отправила дочь спать, а сама, выпив две чашки накрепчайшего

кофе, стала дожидаться мужа.

Света, которая по понятным причинам заснуть не смогла, лежа в своей комнате на неразложенном диване, тоже с замиранием сердца дожидалась прихода отца, а когда тот наконец вернулся с работы, попыталась, тихонько пробравшись к кухне и притаившись за дверью, подслушать разговор родителей. Из услышанного (поскольку родители разговаривали очень тихо, девушке удалось разобрать далеко не все) она сделала шокирующий вывод, что родители всерьез склонны считать ее kleptomанкой. Иного объяснения ее дикому поступку они просто-напросто не находили.

И вот теперь, проснувшись утром и припомнив все подробности вчерашнего кошмара, Светлана никак не могла поверить, что все это ей не приснилось, а произошло на самом деле. И произошло не с кем-нибудь, а с ней! Но почему, зачем ей понадобились эти отстойные топики? Да, она смогла, не побоялась. Ну и что? Доказала сама себе, что не трусиха и не маменькина дочка, а крутая девчонка? Но ведь ее никто ни в чем и не обвинял! Во всяком случае, в трусости точно! И разве воровство в магазине – это самое удачное доказательство ее крутизны? Разве нельзя по-другому?

Светлане вспомнилась фраза из какой-то телепрограммы. Там говорилось о проблемах подростков и о том, что те часто решают их с помощью различных форм протеста, которые порой бывают нелепыми и даже дикими. Может, у нее это тоже что-то типа протеста? Протест против негативного от-

ношения к ней одноклассников? Против того, что у нее нет подруг? Да-да, очень может быть.

Светлане сначала очень понравилось слово «протест». Оно как бы ставило ее по другую сторону баррикад. Весь класс – с одной стороны, а она, Света Тополян, – с другой. Но ведь так оно в общем-то и было все эти годы, а ей не хотелось по другую сторону. Вовсе нет. Ей хотелось быть с классом, хотелось, чтобы к ее мнению прислушивались, ценили его, причем высоко, хотелось, чтобы все с ней советовались, чтобы в гости приглашали и запросто забегали к ней. И почему то, что свободно получается у других, для нее недостижимо? Вот если бы вчера рядом с ней оказалась подруга... или нет, хотя бы просто одноклассница, разве случилось бы с ней такое? Да никогда! Значит, все это от одиночества, вот где завыка-то. А ведь и правда, ей и поговорить-то по душам не с кем!

Тополян стало ужасно жалко себя. Ну почему, почему в жизни все так несправедливо устроено? Почему ей, такой красивой, богатой, эффектной, вместо того чтобы упиваться своей неотразимостью и купаться в лучах всеобщей любви, приходится страдать от одиночества, совершать дикие поступки, а потом отчаянно жалеть себя?

2

Оставшиеся три дня до конца недели Светлана в школу не ходила. Просто заставить себя не могла. Родители не то чтобы открыто разрешали ей прогуливать, но и не высказывались против. Просто молчали. Пользуясь случаем, она целыми днями валялась на диване, перелистывая старые молодежные журналы, и даже попыталась почитать «Униженные и оскорбленные» Достоевского (название романа показалось Тополян очень созвучным ее теперешнему состоянию), но через четыре страницы, зевая, захлопнула книгу.

«И как такую скукотищу можно одолеть? Да еще ведь небось Люстра и сочинение заставит писать!» – тоскливо вздохнула Тополян.

Ангелина Валентиновна по прозвищу Люстра была учителем литературы в классе Тополян и одновременно его классным руководителем. Она представляла собой типичную училку старой закалки – с вечно поджатыми тонкими губами, подозрительным взглядом водянистых глаз, резким, излишне громким голосом. Ее не любили и побаивались. И, надо заметить, не без основания.

На самом деле Люстра о педагогике имела самое отдаленное представление и отношения с ребятами строила по принципу «начальник – подчиненный», требовала беспрекословного послушания, и такие простые человеческие понятия,

как тактичность, сочувствие, снисходительность, умение выслушать, были ей совершенно неведомы и чужды. В общем, «держать и не пущать»! Единственной ее слабостью являлся Маяковский. К нему, а точнее, к его революционным стихам, Ангелина Валентиновна питала нежные и вполне искренние чувства. Если вообще была способна на искренность.

«Светить всегда, светить везде...» – декламировала она к месту и не к месту, за что и получила меткое прозвище Люстра от первого классного остролова Юрки Ермолаева.

Наверное, будь на месте Люстры другая учительница, привыкшая обдумывать свои слова и поступки и не рубить сплеча, то все, что случилось со Светой Тополян, так и осталось бы ее тайной и вся эта дикая история с топиками имела бы другие последствия. А скорее всего, так и сошла бы на нет, без всяких последствий.

Но, увы... Еще очень, очень давно какой-то мудрец заметил, что все тайное становится явным.

В понедельник Люстра влетела в класс, нещадно стуча своими толстыми каблуками по линолеуму. Ее бесцветные глаза прямо-таки пылали праведным гневом, а все лицо покрылось красными пятнами. Даже ее обычно тщательно уложенная «химия» торчала в разные стороны.

– У нас в классе ЧП! – возвестила Люстра голосом третьесортного театрального трагика.

– Неужели Зойка снова коту притащила? А может, теперь не кот, а крокодила или динозавра? – пробормотал Ермолаев.

ев вполголоса, но шутку никто не оценил – все с интересом смотрели на Люстру.

– Молчать, Ермолаев! Вы уже доигрались, хватит! Позор на всю школу!

Люстра перевела дух и грозно обвела глазами безмолвствующий класс.

Только что мне сообщили, что ваша одноклассница Тополян была уличена в краже вещей из магазина! Да-да, именно так. И в милиции она побывала, и протокол составили, и штраф пришлось уплатить немалый, – язвительно ораторствовала Люстра с каким-то даже упоением. – Ну а я, как ваш классный руководитель, посчитала своим долгом вам об этом прискорбном факте сообщить. Такого у нас еще не было!

Ребята ошеломленно молчали.

– А зачем? – в полной тишине раздался голос Черепашки.

– Что тебе неясно, Черепашина? Что «зачем»? – проревела Люстра.

– Мне, Ангелина Валентиновна, неясно, зачем нам об этом сообщать, да еще так... прямолинейно. Даже если это и так, мне кажется, что публичное обсуждение в данном случае бестактно априори, – спокойно пояснила Люся Черепашина.

Дальше мгновения смотреть на Люстру было и смешно и жалко одновременно. Ребятам даже показалось, что ее хватит удар – так она покраснела и выпучила глаза. Силясь что-

то выкрикнуть, училка разевала рот, как задыхающаяся акула.

– Так ты, Черепахина, обвиняешь меня в бестактности, правильно я поняла, а? – наконец пришла в себя Люстра, становясь из пунцовой серо-зеленой. – Ей кажется... Я твоего мнения не спрашиваю и деликатничать здесь не собираюсь! Это не детская шалость, это воровство! Тем более что директор магазина просила не оставлять без внимания этот факт и надлежащим образом довести до сведения учащихся...

Лу Геранмае пихнула Люсю в бок, чтобы та не ввязывалась в дискуссию с разъяренной Люстрой: мол, себе дороже выйдет. Но Люся и так уже решила хранить благоразумное молчание.

Тополян все это время находилась в ступоре. Она просто не верила своим ушам. Света была в отчаянии, да что там в отчаянии – в полном ужасе!

«Как же так? Значит, та гнусная тетка из бутика все-таки позвонила в школу? Ведь в милиции же договорились, а она... Принципиальная, блин! Хотела мне пакость сделать... Ну, так она своего добилась, гадюка! – метались злобные мысли в голове у Тополян. – Что же теперь будет?»

Света еле досидела до конца урока. Ей казалось, что все в классе так и норовят заглянуть ей в лицо, шушукаются и чуть ли не показывают на нее пальцем. В какой-то момент Тополян даже чуть было не решилась встать и уйти. Навсегда,

хлопнув дверью. Только куда? Ведь придется возвращаться – не сегодня, так завтра: отец никогда не согласится перевести ее в другую школу. Скажет, сама виновата, и, что самое ужасное, будет абсолютно прав.

На самом деле все обстояло наоборот. Ребята избегали смотреть на Тополян. Им было за нее стыдно. И мотивы ее поступка никому не были ясны. Включая саму провинившуюся.

– Я не секу, слышь, Ермол! Зачем она это... ну, своровала? – прошептал на ухо Юрке Ермолаеву Фишкин. – Ее, что, предки... того... сняли с довольствия? У нее же всегда шмотки – супер! И бабло в карманах не переводится. Не понимаю...

– Я тоже не в теме... ну вот если бы, к примеру, Аньку Лапину из одиннадцатого «В» поймали за этим делом, тут хоть понять можно. Мать пашет на трех работах, отца и вовсе ветром сдуло, с тугриками вечная напряженка. Но она же не ворует. Носит то, что по карману.

– Это еще неизвестно, может, она и не такая безгрешная, как тебе кажется. Просто не поймали еще, – скептически заметил Фишкин.

Как только прозвенел звонок на перемену, Тополян демонстративно запихнула свои книги в рюкзак и вышла из класса. Она прямо-таки кожей чувствовала презрительные взгляды одноклассников. И что делать дальше? Нет, оставаться здесь она больше не может! Надо уговорить предков

забрать ее из этой школы. Может, в лицей какой-нибудь или в колледж с каким-нибудь там уклоном, все равно в какую сторону, куда угодно, только не здесь!

– Эй, ребсы, прикиньте, а может, она все это время у нас тут потихоньку... Ну-ка, вспоминайте, у кого-нибудь что-нибудь в последнее время пропадало? – выкрикнул возбужденно Ермолаев, как только за Тополян закрылась дверь.

Класс загомонил.

– Ой, у меня в восьмом классе, кажется, кассета пропала, «Дискотека Авария»... Правда, я не помню, дома или в школе... – неуверенно предположил Кузьмин.

– Да нужна ей твоя кассета! Она такой музон не слушает! – отмел подозрения Вадик Фишкин. – Я так думаю: если Светка и тырила здесь, то, скорее всего, бабки.

– Слышишь, Галь, – толкнула Снегиреву Ира Наумлинская, – помнишь, я как-то «Космополитен» приносила, там еще про Тома Круза клевая статья была? Так я же его до сих пор найти не могу, как провалился! И именно здесь, в классе!

Галина неопределенно пожала плечами:

– Странно как-то все это! Не могу поверить, что Тополян у своих воровала... Она же не нуждается ни в чем! Зачем ей у нас что-то было тащить?

– А что в магазине тряпки стащила, в это ты можешь поверить? – встряла Черепашка, всегда стоящая за справедливость. – И вообще, что вы путаете грешное с праведным? Я

ее конечно же не оправдываю. Но... ведь то, что Тополян сделала в бутике, может быть просто, ну, скажем, временное помрачение рассудка. Или еще что-то в этом роде. Но ведь это не говорит о том, что она обязательно воровала у нас. Я так думаю. И практически уверена в этом.

– Ты вечно всех защищаешь, Че! А когда она врала бессовестно, и не один раз, и не два, у нее тоже помутнение в голове происходило, да? – Ира Наумлинская не смогла сдерживать негодования.

Она живо вспомнила историю со стихотворением, написанным Галей Снегиревой, которое Тополян самым наглым образом выдала за свое. Ух, как она, Ирина, вмазала ей тогда по физиономии грязной, мокрой тряпкой!

– Ну-у, смотри, куда тебя занесло! – В голосе Черепашки сквозило осуждение. – Неужели будем вспоминать все Светкины провинности с первого класса... Так же нельзя! Мы говорим об одном конкретном случае и всё! И тут не так все однозначно, я уверена. Ярлыки клеить проще всего. Может, поговорить с ней? Только как, я не знаю...

– Я вспомнил! У меня в пятом классе из куртки двадцать рублей свистнули! – заорал Фишкин так радостно, будто это воспоминание было самым приятным в его жизни.

– А вот тут ошибочка вышла, Фишка! Меня в пятом классе здесь еще не было! Я в седьмом к вам перешла. Так что, не стесняйтесь, вспоминайте дальше, только с седьмого класса, если можно. Уж не обессудьте, так вышло...

Оказывается, Тополян уже с минуту стояла в дверях класса и с вызовом созерцала стихийное собрание по поводу обсуждения или осуждения ее собственной персоны. А они так увлеклись, что даже не заметили ее присутствия!

– Свет... подожди... Мы же разобраться хотели, ты извини, что за твоей спиной, ты не... – попыталась сгладить неловкость Черепашка, но не успела договорить.

– Да пошли вы! – отчаянно выкрикнула Тополян и, изо всех сил хлопнув дверью, выбежала в коридор.

Ее душили злые, бессильные слезы, а больше всего угнетало то, что ей ровным счетом нечего было сказать своим одноклассникам. Потому что объяснения своему поступку девушка не знала и сама.

«Ни фига они не понимают, еще разобраться хотят. Психологи домороченные! Очередная развлекуха для них и всё, повод побазарить и поумничать, блин!»

Слизывая бегущие по щекам соленые слезинки, Тополян быстро шагала в сторону дома.

3

Но у родителей Света поддержки не нашла. Впрочем, она особо на это и не надеялась. Как ни умоляла она Ашота Су-реновича, размазывая слезы по лицу, забрать ее из этой школы, и даже мама уже готова была уступить непутевой дочери, но отец оставался непреклонным.

– Ты достаточно взрослая, чтобы уметь решать свои проблемы, – твердо заявил он Светлане. – Тем более что ты сама их себе создаешь. Ты же сумела украсть, можешь грубить мне и маме, добиваться желаемых удовольствий и обновок у тебя тоже неплохо получается... Так будь добра научиться еще одной малости – отвечать за свои поступки.

Тополян понимала все: и что отец стопудово прав, и что проблемы, которые у нее появились, – это только ее проблемы, и только она их должна разрулить, но...

Ну не могла она появиться в классе как ни в чем не бывало! Тем более после того, как узнала, что одноклассники готовы обвинить ее в пропаже любой ручки или тетрадки за последнюю тысячу лет! Чем больше Светлана размышляла над ситуацией, тем больше запутывалась и от этого впадала еще в большую панику. Получалось, что как ни крути, а в школу ходить надо. Но в том-то и ужас, что пойти она туда не может ни под каким видом, хоть режьте. Выхода из тупика не просматривалось ни в каком направлении, и это безумно

тяготило ее. Но сильнее всего угнетало Светлану то пренеприятнейшее открытие, которое она сделала, подслушав под дверями класса разговор ребят.

Подслушивать специально Тополян не собиралась. Просто так вышло, что, покинув класс, она на самом деле решила уйти. Совсем, навсегда! Но внезапно ощутила в душе нечто похожее на сожаление, которое мгновенно переросло в какой-то смутный порыв вернуться, попытаться объяснить, рассказать про разрывающие ее противоречия и про того бесенка, который ее «попутал». И про тот липкий страх, заползший в душу, и про холодный пот, выступивший на лбу, в общем, про все свои душевные терзания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.